

ВВЕДЕНИЕ

Помните, как в сказке про приключения Буратино папа Карло вставляет золотой ключик в потайную дверь и герои находят в каморке под лестницей волшебный кукольный театр? Так и мы с вами откроем двери и попадем в иную Москву, где парят мраморные лестницы, кружится в вихре цветочная лепнина, расправляют крылья расписные грифоны и поглядывает таинственный кованный филин. Мы побываем в знаменитом особняке в стиле модерн, зайдем в дом, похожий на «китайскую шкатулку», отыщем барочную башню, спрятанную в переулках, и увидим, как средневековый замок переодевается в ренессансный наряд.

Мы с вами запустим машину времени и, меняя декорации эпох, перенесемся в Москву XVIII, XIX и XX веков — посмотрим, как дома возрождались после пожара 1812 года, застанем моду на эклектику и прогуляемся по парадным залам, оформленным в разных архитектурных стилях, будто по страницам учебника по истории искусств, переживем расцвет и угасание модерна, почувствуем ностальгию по классической архитектуре накануне столетия Отечественной войны, отметим юбилей царской династии и вместе с мастерами неорусского стиля вдохновимся боярскими палатами первых Романовых.

Мы устроим настоящее путешествие в прошлое — узнаем, как учились в дореволюционной гимназии, посетим первоклассный отель, венское кафе, чайный магазин, аптеку, бани и даже государственный ломбард, где заложим драгоценное украшение и поучаствуем в аукционе. Мы заглянем на балы в роскошные особняки и наведаемся в гости в квартиры известных личностей: композитора Александра Скрябина, художника Аполлинария Васнецова и писателя Алексея Толстого — автора сказки о Буратино.

На страницах книги мы разберемся с хитрым секретным затвором, запиравшим сокровищницу советской России, выясним, зачем Валентин Булгаков, директор Толстовского музея, повесил тяжелый замок на ампирный особняк, а Максим Горький закрыл парадные двери даже для домашних. Мы будем держать в руках связку ключей от любопытных историй — услышим, зачем гимназист затопил директорский кабинет, почему воры передумали грабить водочного короля, откуда Айседора Дункан убежала от крыс, как богатая наследница переписала имущество на мужа, а тот уехал с любовницей.

Эта книга — ключ для прогулок по городу, который подскажет, что посмотреть в Москве и как нескучно провести время, совместив приятное с полезным. Книгу можно взять с собой, отправляясь на разведку по улочкам, и читать на месте, разглядывая фасады и интерьеры, а можно перелистывать страницы дома, погружаясь в прошлое за чашкой чая. Над книгой я работала в двух библиотеках, Ленинке и Историчке, исследовав все источники, что удалось найти. В конце вас ждет список литературы — он поможет углубиться в историю Москвы и познакомит с увлекательными мемуарами. Приятного чтения!

Г
Л
А
В
А

П
Е
Р
В
А
Я

Вокруг
Тверского бульвара

История первая.

ОСОБНЯК

СТЕПАНА РЯБУШИНСКОГО

«Особняк так безобразен и нелеп, что даже честные сугробы и глыбы снега, которыми он окружен и засыпан, не смягчают его отвратительности», — писал в дневнике Корней Чуковский. Он говорил о бывшем доме фабриканта Степана Рябушинского, построенном в начале XX века гениальным архитектором Францем Шехтелем. Сегодня это признанный шедевр русского модерна, но в 1932 году, в другую эпоху с иными вкусами, Корней Чуковский называл его самым гадким образцом декадентского стиля. Писатель возмущался, что все испакощено похабными загогулинами и бездарными наглыми кривулями, что всюду мерзкая пошлятина. В наше время такая оценка звучит несправедливо и оскорбительно.

Давайте проникнем в мир шехтелевских идей, проследим за полетом воображения зодчего и поймем то, чего не принимали Корней Чуковский и его современники. Перед нами фантазийный особняк, который будто перенесся на московские улочки из страны грез — настолько он не похож на другие памятники архитектуры! Дом стоит на углу Малой Никитской и Спиридоновки, и мы обходим его, как скульптуру, с разных сторон, любуясь необычными огромными ок-

нами и мозаикой с орхидеями. Шехтель рисовал эскизы этих нежных, невесомых цветов в натуральную величину, и по ним изготавливали мозаику в Петербурге в знаменитой мастерской Фролова.

Сейчас особняк заслоняют высокие деревья, но в начале XX века он горделиво красовался за ажурной ковanej решеткой. Ее рисунок напоминает морские волны. Они будто пенятся и закручиваются в спирали, и дом, словно корабль, плывет по морю. Балкон над массивным крыльцом кажется палубой, а причудливые переплеты окон — водорослями, обвивающими корпус судна. Оригинальный облик особняка, где

симметрию заменяет свобода мысли, объясняет его планировка — ведь здания в стиле модерн строили «изнутри наружу». Давайте в этом убедимся. Пусть главный вход закрыт уже более девяноста лет и в дом попадают со двора, представим, что мы перенеслись во времена первого хозяина и перед нами открывается парадная дверь.

В вестибюле сразу бросается в глаза пейзажный витраж напротив двери. Его создал по шехтелевскому рисунку художник Сергей Виноградов. Тихая река лениво течет среди холмов, по берегам склоняются деревья и желтеет листва.

Мы оборачиваемся и останавливаем взгляд на ручке двери. Она изгибается, словно распахнутые крылья бабочки, а узор мозаичного пола повторяет круги на воде. Архитектор говорил, что искусство должно заменять скучную действительность и дарить радость и праздничное настроение. Его творение подтверждает эти слова.

Все детали интерьеров, не только лепнину, росписи, оконные рамы, но и фурнитуру, рисунок паркета, фигурные решетки, Франц Шехтель продумывал до мелочей, превращая полезное в прекрасное. Архитектор трудился много и с упоением. Его внучка Марина вспоминала, что иногда мастер не покидал кабинет несколько дней и ему просовывали любимые бифштексы в приоткрытую дверь. «Без работы я был бы никуда не годен — как часы, не заводимые аккуратно и постоянно», — признавался он в письме к Антону Чехову.

Мы проходим в холл и будто попадаем в подводное царство. Приглушенный свет оттеняет зеленоватые стены. Мраморная лестница, словно бушующее море, поднимает высокие волны-перила — кажется, они вот-вот накроют с головой и утащат на дно. Мы слышим шум приближающейся воды, чувствуем брызги на коже, но кто-то взмахивает волшебной палочкой,

и волны застывают в камне. Они символизируют вечное движение жизни.

У первой ступеньки гребень волны изгибается в импровизированную скамью, над которой всплывает медуза-светильник. Узкие лампочки качаются, напоминая прозрачные щупальца. Мы поднимаемся по лестнице, и медуза перевоплощается в черепаху — сверху светильник похож на панцирь. В углу возвышается трехъярусный витраж с балконом: абстрактный рисунок представляется то морской пеной, то грозовыми тучами, что обрушиваются ливнем, а металлическая ограда закручивается в глаза и уши филина, таинственной ночной птицы. Лестница ведет к холлу второго этажа со световым фонарем и галереей, где арку поддерживает мощная колонна из темно-красного мрамора. На серебристой капители — на верхушке — прекрасные кувшинки переплетаются с чудовищными саламандрами. Будто добро и зло символически спутываются в один клубок. Все в этом мире связано!

Если мы посмотрим вниз, то заметим, как лестница завивается по спирали, словно морская раковина. Это ключ, который помогает раскрыть замысел планировки — ведь комнаты тоже размещаются вокруг лестницы по спирали. Такая линия, похожая на улитку, не только главный мотив декора, но и основной принцип композиции. Гениально, правда?

Мы спускаемся по ступенькам, и рисунок паркета, где будто разливается вода, направляет в столовую. Холл словно перетекает в эту комнату. Гигантское окно

почти во всю ширину стены выглядит как рама картины. Оно расширяет пространство за пределы дома и выводит в сад.

Потолок закругляется, как крышка сундука, а стены окружают дубовые панели. Во времена Степана Рябушинского над ними тянулись росписи, закрашенные уже в советское время. Не сохранились и люстры с плафонами-подснежниками, и белый мраморный камин, на котором женщина-бабочка изящно расправляла крылья. Мы идем в соседнюю гостиную, где по резным дверям вьются розы на длинных стеблях с шипами — кажется, стоит дотронуться, и уколешь руку. Лепнина на потолке напоминает затянутое ряской озеро, на поверхности распускаются цветы и высовываются из раковины улитки. В узорной рамке блестит небольшой плафон, расписанный художником Августом Томашки. На фоне ясного неба сияют желтые хризантемы, и еще одна улитка шевелит длинными рожками.

Мы переходим через вестибюль в большой кабинет, и перед нами — зеленый мраморный камин с горкой* по эскизам Франца Шехтеля. Комнату оплетают ветви лавра, они проявляются на оконной раме, перекидываются на резные двери и сползают на ручки. Лавровое дерево качается и на витраже. Оно прижимает листья к горе, и ее склоны изгибаются, словно мужчина вытягивает шею и опускает плечи. Человек и природа сливаются в одно целое. Витраж соединяет большой

* Горка — небольшой застекленный шкаф для посуды и разных мелочей.

кабинет с малым, где лавр опоясывает стены. Здесь хозяин дома беседовал с деловыми гостями.

Степан Рябушинский, представитель знаменитой династии банкиров и текстильных магнатов, руководил торговой частью семейной фирмы — заведовал складами и магазинами. В 1916 году с братом Сергеем он основал первый в России автомобильный завод «АМО», в советское время переименованный в ЗИЛ. Участок на Малой Никитской улице Степан купил в июне 1900 года, когда ему было двадцать шесть лет, и уже в августе утвердил план особняка. Представьте, архитектор создал проект дома буквально за два месяца! Работы начали в следующем марте, и по документам в августе 1902 года стоял особняк с целым комплексом служб во дворе. По купеческой традиции Степан записал дом на имя жены Анны. Ее комнаты с детскими разместились на втором этаже.

После строительства, в 1904 году, хозяин особняка решил устроить тайную моленную. Он был ревностным старообрядцем, а сторонников этой веры тогда считали раскольниками, поэтому семейную церковь спрятали от посторонних глаз под крышей.

В секретную комнату вела отдельная узкая лестница с вытянутыми ступенчатыми окнами. Шехтель оформил моленную в духе византийского храма с широким куполом. Степана Рябушинского не смутила ни авторская трактовка христианских символов в росписях, ни католическая вера архитектора. Франц Шехтель

перешел в православие только во время Первой мировой войны, в разгар антинемецких настроений. Он поменял имя и стал Федором.

Степан собирал древние иконы, не жалея денег на их покупку. Художественные шедевры разыскивали по разным углам империи скупщики. Они часто при-

возили иконы в плохом состоянии, с поздними наслоениями и утратами, и Рябушинский устроил во флигеле реставрационную мастерскую. Коллекционер мечтал открыть Музей русской иконы в здании, где сейчас работает Китайский культурный центр*, но не успел. После революции Степан Рябушинский эмигрировал с семьей в Италию, где управлял суконной фабрикой, изучал старинные иконы и писал статьи, а его необыкновенный особняк переходил из рук в руки. В марте 1918 года туда вселился отдел виз Наркоминдела и хлынул поток иностранцев, которые пытались покинуть страну. В следующем году в дом въехал Госиздат, и там толпились литераторы. Особняк занимал и психоаналитический институт, и детский сад, и ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.

В 1931 году дом на Малой Никитской стали готовить к приезду нового хозяина — Максима Горького**. Писатель находился в Италии, в Сорренто, и туда дошли слухи, что для него ремонтируют какой-то дворец или храм на берегу Москвы-реки. «Это будет нехорошо не только лично для меня», — писал Горький секретарю. По его словам, это произвело бы отвратительное впечатление на людей, кто, адски работая, обитал в хлевах. Но решение, где жить основоположнику советской литературы, приняли без него. «Какой нелепый дом!» — воскликнул писатель, впервые увидев московскую квартиру. Однако особняк наполнили его вещи, Горький освоился и с голо-

* Адрес центра: ул. Правды, д. 1, стр. 1.

** Настоящее имя — Алексей Максимович Пешков.

вой окунулся в дела. Давайте проведем с ним один день и посмотрим, что изменилось в сказочном доме в стиле модерн.

Писатель просыпался в восемь часов, выпивал два сырых яйца с лимонным соком и чашку кофе, за завтраком бегло просматривал газеты и в девять проходил в кабинет, который некогда принадлежал Степану Рябушинскому. Горький садился за письменный стол, большой, без ящиков, на высоких ножках, изготовленный для него на заказ. Где бы ни жил писатель, стол выглядел одинаково. «Казалось, он возит свою рабочую комнату с собой», — подмечал Самуил Маршак. Утром Горький создавал литературные произведения, и домашние не заглядывали в кабинет, чтобы не потревожить. Но в соседнем вестибюле топтались посетители, шептались, шуршали, хлопали дверью, а поэтому парадный вход закрыли и оставили только черный.

Горький писал от руки — он считал, что стук машинки вредит ритму фразы. В два часа дня он направлялся в столовую, где собиралась на обед вся семья, как когда-то и Рябушинские, правда, в другой атмосфере. К приезду писателя дом обставили казенной мебелью в духе элитных квартир того времени. Мраморный камин в столовой напоминал Горькому гигантскую зияющую пасть, и его разобрали. На обед спускалась с мансарды невестка Надежда Пешкова. Бывшую моленную переделали в ее художественную мастерскую, а для этого замазали росписи и прорубили большое окно — в 70-х годах проем заложили реставраторы,